

С.М. Дубнов

**Всеобщая история евреев от
древнейших времен до
настоящего**

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С11

С.М. Дубнов
С11 Всеобщая история евреев от древнейших времен до настоящего: Том 1 / С.М. Дубнов – М.: Книга по Требованию, 2014. – 658 с.

ISBN 978-5-458-52117-8

Семён Маркович Дубнов (1862-1941) - российский еврейский историк, один из классиков и создателей научной истории еврейского народа. В своих капитальных трудах Дубнов определял еврейский народ как «народ, чьим домом является весь мир», и считал, что еврейский народ сформировался в процессе приспособления к тем условиям, в которых он жил. После разрушения Второго храма еврейский народ перешел к высшей, то есть культурно-духовной стадии исторического развития. Согласно Дубнову, еврейский народ в диаспоре развил особую социальную систему и общинную идеологию. Сделав предметом своих исследований, жизнь народа во всех ее проявлениях, ученый анализировал и развитие внутренней общественной жизни, историю религиозных течений и историю культуры; при этом собственно еврейская история рассматривается в неразрывной связи с историей стран пребывания. Первая книга предлагаемого труда включает в себя древнейшую и древнюю историю евреев до покорения Иудеи римлянами.

ISBN 978-5-458-52117-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

няются къ этому конечному акту, а по сколько ихъ пригоняѣтъ нельзя—игнорируются. Дальнѣйшая „похристіанская“ исторія еврейскаго народа для этихъ изслѣдователей какъ будто не существуетъ:—это территорія однихъ только еврейскихъ ученыхъ. Свободна ли хоть эта территорія отъ владычества старыхъ спиритуалистическихъ концепцій?

Къ сожалѣнію, нѣтъ. Спиритуализмъ иного рода—не столько богословскій, сколько схоластическій, литературный—наложилъ свою печать на весь тотъ фазисъ еврейской исторіографіи, начинателями котораго были Іостъ и Цунцъ, а блестящимъ завершителемъ—Грецъ. Оставляемъ въ сторонѣ Іоста, который въ своей большой „Geschichte der Israeliten“ былъ больше хронистомъ, чѣмъ историкомъ. Цунцъ во всѣхъ своихъ историческихъ трудахъ остался вѣрнѣ афоризмамъ, провозглашеннымъ имъ въ самомъ началѣ своего научнаго поприща: въ періодъ безгосударственный мышленіе составляетъ дѣло еврейскаго народа; въ книгѣ слышится біеніе народнаго пульса; исторія евреевъ сводится къ исторіи еврейской литературы. Болѣе сложная концепція исторіи замѣтна въ монументальномъ трудѣ Греча; но и Грецъ не пошелъ въ своемъ синтезѣ дальше дуализма „мышленія и страданія“. Съ момента паденія іудейскаго государства, внѣшняя исторія евреевъ является для него *Leidensgeschichte*, а внутренняя—*Geistesgeschichte*. „Изслѣдовать и странствовать, мыслить и страдать, учиться и терпѣть“—вотъ содержаніе всей эпохи діаспоры). Какъ ни широки рамки исторіографіи у Греча, у него вездѣ самодѣятельность народа представлена только въ эволюціи идей, литературы, а не во всѣхъ активныхъ проявленіяхъ соціальной жизни. Достаточно взять хотя бы его классификацію періодовъ еврейской исторіи: „талмудическій періодъ“, раздѣленный на „эпохи таннаевъ, амораевъ, сабураевъ и гаоновъ“; „раввинско-философскій періодъ“, „односторонне-раввинской періодъ“: вѣхами исторіи являются такіа личности, какъ Моисей Маймонидъ и Мендельсонъ. Вообще

) Предисловіе къ 4-му тому „Geschichte der Juden“.

вся классификація матеріала приурочена къ , исторіи литературы или идейныхъ движеній, но не къ исторіи народа въ полномъ значеніи этого слова.

На этомъ одностороннемъ пониманіи прошлаго застыла еврейская исторіографія Запада. Источникъ этого ошибочнаго пониманія для насъ ясенъ. Выросши въ эпоху эмансипаціи и ассимиляціи, когда въ Западной Европѣ господствовала догма: „еврейство — не національность, а религиозная группа,“ — исторіографія поддалась общему теченію и сдѣлала своимъ объектомъ іудаизмъ вмѣсто еврейскаго народа. Противъ теченія не могли идти даже такіе отступники отъ общепринятой догмы, какъ Грець.

Глубокій переворотъ въ области національнаго самосознанія, знаменующій нынѣшнюю эпоху, долженъ былъ вызвать соотвѣтственную переменѣ и въ пониманіи историческаго процесса. За секуляризацией еврейской національной идеи должна была послѣдовать секуляризація исторіографіи, освобожденіе ея отъ тисковъ теологіи, а затѣмъ—и телеологіи. Назрѣваетъ новое, широкое пониманіе еврейской исторіи, болѣе соотвѣтствующее ея дѣйствительному содержанію и объему. Становится яснымъ, что народъ въ продолженіе тысячелѣтій не только „мыслилъ и страдалъ“, но и при всевозможныхъ условіяхъ строилъ свою жизнь, какъ особой соціальной единицы, и что вскрыть этотъ процессъ строительства жизни—главная задача исторіографіи. Объектомъ новой исторіографіи долженъ быть народъ, національный индивидъ, егѳо возникновеніе, ростъ и борьба за существованіе. Въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ безформенный сначала народный эмбрионъ выдѣляется изъ окружающей племенной среды древняго Востока, принимаетъ опредѣленный національный образъ, создаетъ и теряетъ государство, по своему перерабатываетъ воспріятыя элементы общей культуры и наконецъ поднимается въ духовномъ творчествѣ до высоты профетизма. Моментъ окончательнаго оформленія національнаго типа совпадаетъ съ моментомъ перваго политическаго крушенія (вавилонское плѣненіе), и

всѣ послѣдующія эпохи (персидская, греческая, хасмонейская и римская) протекаютъ подъ знакомъ соперничества и взаимодѣйствія теократіи и свѣтской государственности. Второе политическое крушеніе (римское) вызываетъ новыя формы борьбы раздробленнаго народа за свое внутреннее единство и національное существованіе: не въ государственныхъ, а въ другихъ общественныхъ формахъ проявляется неукротимое стремленіе къ автономизаціи жизни, къ максимуму самобытности среди чуждыхъ народныхъ и культурныхъ стихій. Къ этой цѣли приспособлена вся духовная дѣятельность націи; іудаизмъ формируется по образу соціального существованія націи, а не наоборотъ.

Однимъ изъ многихъ примѣровъ отличія этой реальной концепціи еврейской исторіи отъ предыдущихъ можетъ служить эпизодъ, связанный съ именами Явны (Явне) и Іоханана бенъ-Закка. Въ моментъ величайшаго перелома еврейской исторіи—разрушенія іудейскаго государства римлянами, учреждается духовный центръ въ близкой къ Іерусалиму Явнѣ. Общепринятое мнѣніе, вытекающее изъ старыхъ методовъ историческаго мышленія, придаетъ этому центру характеръ чисто научный, академическій,—при чемъ одни прославляютъ такой подвигъ водруженія стяга науки на развалинахъ государственности, а другіе хулятъ его, какъ умаленіе національной личности. Ошибаются и тѣ¹ и другіе, ибо въ корнѣ ошибочно мнѣніе о „научномъ“ центрѣ въ Явнѣ. Въ дѣйствительности тутъ совершился одинъ изъ крупнѣйшихъ актовъ національно-общественной реорганизаціи. Не теоретическая школа была создана въ Явнѣ, а центръ демократіи, управленія черезъ законъ. Институтъ законовѣдѣнія былъ здѣсь слитъ съ законодательнымъ учрежденіемъ—Синедріономъ, который послѣ крушенія государства призванъ былъ спаять разсыпанныя части народа цементомъ однородныхъ законовъ, регулирующихъ всю внутреннюю жизнь на автономныхъ началахъ. Тутъ былъ данъ лозунгъ реорганизаціи разбитой національной арміи, созданія новой общественной дисциплины взамѣнъ утраченной, государственной. Это

прежде всего страница изъ исторіи строительства народной жизни, а потомъ уже изъ исторіи религіи или литературы

Научно ли, объективно ли такое пониманіе историческаго процесса? Несомнѣнно. Мы тутъ впервые выводимъ еврейскую исторіографію изъ сферы теологіи и метафизики и ставимъ ее на біосоціологическій фундаментъ. Мы изслѣдуемъ генезисъ, ростъ и превращенія народа на его безпримѣрно длинномъ историческомъ пути, во всѣхъ его переменчивыхъ соціальныхъ положеніяхъ, часто исключительныхъ и чрезвычайныхъ. Тутъ возможенъ только одинъ, вполне научный, методъ изслѣдованія: методъ эволюціонизма. Сначала изслѣдуется періодъ образованія и наростація національнаго типа, а затѣмъ—періодъ борьбы уже окрѣпшей коллективной особи за свое самобытное существованіе, за сохраненіе и развитіе своихъ типичныхъ національныхъ чертъ и вѣками накопленной культуры. Изображая этотъ двойной процессъ индивидуализаціи и отстаиванія индивидуальности, мы исходимъ изъ аксіомы, что стойкая и ярко выраженная національная личность представляетъ собою не только естественное явленіе, но и историческую цѣнность, феноменъ высшей духовной культуры. Но это не значить, что историкъ долженъ считать цѣнными всѣ пути, прямые или извилистые, которые вели къ сохраненію этой коллективной личности. Считаая, напримѣръ, нормальное обособленіе необходимымъ условіемъ національной жизни, историкъ обязанъ указывать и на тѣ моменты, когда культурное обособленіе доводилось—часто по необходимости, ради самозащиты—до печальныхъ крайностей, до полного разобщенія даннаго народа съ общечеловѣческой культурой. Онъ долженъ изобразить неизбѣжную во всякомъ національномъ организмѣ борьбу центростремительныхъ и центробѣжныхъ силъ и трагическія столкновенія, порождаемая ею въ нѣдрахъ народной жизни. Само собою разумѣется, что, исходя изъ идеи культурной самоцѣнности національной личности, историкъ долженъ различно оцѣнивать результаты центростремительныхъ-созидательныхъ силъ и центробѣжныхъ-разрушительныхъ.

Соціологическій методъ обязываетъ, конечно, отвести надле-

жащее мѣсто въ исторіографіи не только общественно-национальнымъ факторамъ, но и общественно-экономическимъ, которыми старая школа совершенно пренебрегала. Но это отнюдь не означаетъ уклоненія въ сторону „историческаго матеріализма“, сводящаго всё явленія истории къ эволюціи экономического уклада. Не для того должны мы отказаться отъ устарѣлаго историческаго спиритуализма, чтобы попасть въ тиски противоположной догмы историческаго матеріализма, не менѣе односторонней, не менѣе искажающей перспективу прошлаго. Экономическій факторъ есть такой же продуктъ природныхъ и социальныхъ условий народной жизни, какъ и факторъ духовный; совокупность всѣхъ социальныхъ и духовныхъ факторовъ, творимыхъ націей, регулируетъ ея жизнь; между ними есть соперничество, взаимодействие, но нѣтъ постояннаго подчиненія всѣхъ разнородныхъ функций народной жизни одной какой-либо функціи.

Вытѣсненіе старыхъ методовъ новымъ, социологическимъ, вызываетъ необходимость новаго распредѣленія историческаго матеріала. Новая классификація должна быть основана на признакахъ національно-общественныхъ, а не религиозныхъ или литературныхъ. Въ государственный періодъ (гдѣ еще не исчезло изъ обихода теологическое дѣленіе на эпохи „перваго храма“ и „второго храма“) история должна дѣлиться по политическимъ эпохамъ, въ связи съ столкновениями націи съ мировыми цивилизаціями—древневосточными и греко-римскими. Въ безгосударственный періодъ „разсѣянія“ дѣленіе по необходимости должно идти по географическимъ линиямъ, въ связи со смѣною культурныхъ гегемоній. Разсѣянный еврейскій народъ имѣлъ въ каждую данную эпоху культурный центръ, который по интенсивности своей внутренней жизни и широтѣ національно-культурной автономіи стоялъ выше другихъ центровъ и влиялъ на нихъ. По этой классификаціи, мы въ концѣ древности и первую половину средневѣковья имѣемъ два крупныхъ центра: сначала въ Палестинѣ эпохи „патріарховъ“, затѣмъ въ Вавилоніи эпохи „экзиларховъ“; въ обѣихъ странахъ автономная жизнь евреевъ давала имъ возможность осуществлять

свои національныя задачи въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Во вторую половину среднихъ вѣковъ, съ переходомъ еврейской гегемонии съ Востока на Западъ, появляется третій гегемоническій центръ—Испанія въ эпоху арабско-еврейскаго ренессанса, начиная съ 10-го вѣка; клиномъ въ эту эпоху врѣзывается французско-нѣмецкое еврейство, которое претендовало на особую духовную гегемонію, независимую отъ испанской. Наконецъ, идетъ 4-я великая гегемонія—еврейства Польши, имѣвшая въ XVI—XVIII вв. полную автономную организацію общинъ съ мѣстными и центральными органами. Польша передаетъ эту гегемонію Россіи наканунѣ эпохи эмансипаціи, когда устанавливается дуализмъ культуръ—западной и восточной, подражательной и самобытной.

Едва ли нужно прибавить, что притязанія социологическаго метода идутъ гораздо дальше формальнаго измѣненія классификаціи. Выше былъ уже приведенъ примѣръ примѣненія его къ переоцѣнкѣ одного крупнаго историческаго кризиса: такихъ примѣровъ можно было бы привести множество. Ограничусь здѣсь еще двумя.—Старая исторіографія безнадежно запуталась въ вопросѣ о двухъ партіяхъ—фарисеевъ и садукеевъ, взаимодействіе которыхъ регулировало народную жизнь въ хасмонейскую и римскую эпохи. Даже свободные отъ теологіи историки объясняли генезисъ этихъ партій религіозно-обрядовыми и догматическими разногласіями. Пользуясь преимущественно позднѣйшими талмудическими преданіями, изъ которыхъ вывѣтрился политическій элементъ, изслѣдователи изоощряли свой умъ въ отыскиваніи мелочныхъ различій между фарисеями и садукееями въ области „ритуальной чистоты“ и вообще высшей обрядности; они сводили къ схоластической распрѣ одинъ изъ величайшихъ внутреннихъ споровъ въ еврействѣ—споръ о типѣ націи, о томъ—быть ли еврейству свѣтской или духовной націей, ординарнымъ или своеобразнымъ членомъ международной семьи, культурно-обособленнымъ или обезличеннымъ. Этотъ социологическій взглядъ на генезисъ и дѣятельность партій, проводимый въ настоящей „Исторіи“ (т. I, стр. 361 сл.), вытекаетъ изъ всѣхъ случаевъ столкновеній фарисеевъ съ садукееями на полити-

ческой и общественной аренѣ, изъ всей дѣятельности ихъ отъ эпохи Хасмонеевъ до паденія іудейскаго государства. Религіозныя и обрядовыя разногласія были только придаткомъ къ основному національному спору двухъ партій, ибо различное отношеніе той и другой къ „устному закону“ вытекало изъ разногласія по вопросу о цѣлесообразности культурнаго самоогражденія и бытовой обособленности.—Другимъ примѣромъ можетъ служить моментъ возникновенія христіанства. Въ посвященной ему въ этой „Исторіи“ главѣ, происхожденіе христіанства и отношеніе къ нему національнаго ядра Іудеи приведены въ тѣсную связь съ раскаленной соціально-политической атмосферой той эпохи, которая толкала христіанство уже съ первыхъ шаговъ все дальше, въ сторону отрицанія освободительной національной борьбы, и выталкивала его за предѣлы самоотверженно борющейся націи.

Въ исторіи діаспоры, сопутствовавшей еще политическому существованію Іудеи и затѣмъ втянувшей въ свою сѣть весь народъ, соціологическій методъ доискивается главнымъ образомъ тѣхъ формъ общественной и культурной автономіи, которыя поддерживали національное единство евреевъ въ разныхъ странахъ. Прежняя исторіографія почти совершенно игнорировала этотъ существеннѣйшій—ибо активный—факторъ внутренней жизни, отводя больше всего мѣста пассивному моменту гражданскаго безправія и выдвигая, такъ сказать, канцелярскую исторію еврейства. А между тѣмъ весь смыслъ кризиса, переломившаго еврейскую исторію на двѣ части, заключается въ томъ, что на мѣсто государства стала автономная община, какъ основная національная единица. Раскрытыя внутреннюю организацію безгосударственнаго еврейства во всей ея полнотѣ—вотъ значительнѣйшая задача новой исторіографіи.

Всѣ значеніе указаннаго, болѣе чѣмъ методологическаго, переворота можетъ оцѣнить особенно тотъ, кто, подобно автору этой книги, самъ нѣкогда блуждалъ по извилистымъ старымъ путямъ еврейской исторіографіи. Въ свое время я также платилъ дань общепринятымъ „аксіомамъ“. Въ поискахъ синтеза еврейской исторіи, занимавшаго меня съ перваго дня моей научной дѣятель-

ности, я прошелъ черезъ всѣ упомянутые спиритуалистическіе фазисы. Мой юношескій дебютъ *)), окрашенный яркой религиозно-реформистской тенденціей, представлялъ собою примѣненіе теологическаго метода на изнанку. Въ рядѣ дальнѣйшихъ работъ, въ которыхъ стало уже обозначаться стремленіе къ секуляризаціи еврейской историографіи **), я все еще не могъ освободиться отъ власти идеологическихъ воззрѣній школы Цунца и Греца; мое новаторство сводилось лишь къ попыткѣ втиснуть національно-соціальную программу въ прежнія рамки исторіи идей. Только послѣ многихъ лѣтъ детальной разработки общей еврейской исторіи по источникамъ, когда мнѣ самому приходилось писать ее, какъ исторію народа, а не литературы, недостатки старыхъ методовъ все болѣе выяснялись мнѣ; рамки изслѣдованія и обобщенія сами собою раздвигались, историческій кругозоръ расширялся, и становилось понятнымъ, закономѣрнымъ многое, что раньше плавало въ мистическомъ туманѣ. Я убѣдился, что общій процессъ исторіи не поддается априорному усвоенію, что его можно постигнуть только въ концѣ длиннаго пути историографической работы, требующей сдѣлания и обобщенія огромной массы фактовъ ***).

Тутъ я подхожу къ генезису настоящаго моего сочиненія. Въ началѣ 1890-хъ годовъ, въ разгаръ моихъ подготовительныхъ работъ по исторіи польско-россійскихъ евреевъ, я рѣшилъ предварительно издать небольшой курсъ всеобщей еврейской исторіи, котораго могъ бы служить и введеніемъ къ моему большому спеціальному труду, и источникомъ знанія для большой публики. Не желая надолго отвлекаться отъ упомянутыхъ подготовительныхъ работъ, я

*) „Нѣсколько моментовъ въ исторіи развитія еврейской мысли“. Рус. Еврей, 1881 г., №№ 16—36.

**) „Объ изученіи исторіи русскихъ евреевъ“ (первыя главы), Спб., 1891; „Историографъ еврейства: Грець, его жизнь и труды“ (Восходъ, 1892 г., кн. 2—9); „Что такое еврейская исторія?“ (Восходъ, 1893 г., кн. 10—12; издано отдѣльными книжками въ нѣмецкомъ и англійскомъ переводахъ).

**) См. „Письма о старомъ и новомъ еврействѣ“ (Спб., 1907), письма I, II, IV; „Процессы гуманизации и націонализации въ новѣйшей исторіи евреевъ“ (Евр. Миръ, 1909, кн. 1); Рѣчь въ общемъ собраніи Еврейскаго Историко-Этногр. Общества, 21 февр 1910 г. (Евр. Старики в. а. 1910, кн. I, стр. 149 сл.), гдѣ отчасти затронуты вопросы нашей историографіи.

воспользовался появившимися къ тому времени на нѣмецкомъ языкѣ двумя курсами еврейской исторіи (Бека и Бранна) и, переработавъ ихъ (большею частью до полнаго устраненія обоихъ текстовъ, оказавшихся крайне слабыми), издалъ съ дополненіями въ двухъ томахъ, подъ заглавіемъ: „Еврейская исторія отъ конца библейскаго періода до настоящаго времени“ (Одесса, 1896—97 г.). Книга, быстро распространившаяся, не удовлетворила меня со стороны научной, и спустя нѣсколько лѣтъ я предпринялъ самостоятельный трудъ — „Всеобщую исторію евреевъ отъ древнѣйшихъ временъ до настоящаго“. Здѣсь я себя намѣтилъ болѣе широкую программу, но все-таки не рѣшался еще выходить изъ рамокъ средняго курса и имѣлъ въ виду служебную роль книги, въ качествѣ введенія къ моему большому труду по исторіи евреевъ въ Польшѣ и Россіи. По этому плану былъ выпущенъ I полутомъ „Всеобщей исторіи евреевъ“ (Одесса, 1901), обнимавшій періодъ до вавилонскаго плѣненія и сильно пострадавшій отъ гнета тогдашней духовной цензуры. Последнее обстоятельство заставило меня пристроить дальнѣйшіе выпуски „Исторіи“ въ видѣ приложенийъ къ книжкамъ журнала „Восходъ“, который пользовался привилегіей выхода безъ предварительной цензуры. Но съ перемѣною мѣста изданія я измѣнилъ и программу, въ смыслѣ значительнаго ея расширенія и усиленія работы по первоисточникамъ *). По этому новому плану были опубликованы при „Восходѣ“ три книги „Всеобщей исторіи евреевъ“ (Спб., 1903—1905), доведенныя до французской революціи 1789 года. Буря „революціоннаго года“ въ Россіи—живая страница новѣйшей исторіи—помѣшала мнѣ писать новѣйшую исторію и закончить книгу послѣднимъ томомъ (XIX вѣкъ), и работа эта сейчасъ стоитъ на очереди. Теперь же, когда подошла необходимость вновь перепечатать первые два полутома „Исторіи“ (древнѣйшій и древній періоды), я воспользовался случаемъ для переработки ихъ, и результатомъ этой работы является настоящій I томъ.

*) Вотъ почему скромный планъ, изложенный въ предисловіи къ I му полутому (изд. 1901 г.), не характеризуетъ содержанія слѣдующихъ трехъ книгъ, изданныхъ въ Петербургѣ.

ности, я прошелъ черезъ всѣ упомянутыя спиритуалистическіе фазисы. Мой юношескій дебютъ *), окрашенный яркой религіозно-реформистскою тенденціей, представлялъ собою примѣненіе теологическаго метода на изнанку. Въ рядѣ дальнѣйшихъ работъ, въ которыхъ стало уже обозначаться стремленіе къ секуляризаціи еврейской исторіографіи **), я все еще не могъ освободиться отъ власти идеологическихъ воззрѣній школы Цунца и Греца; мое новаторство сводилось лишь къ попыткѣ втиснуть національно-соціальную программу въ прежнія рамки исторіи идей. Только послѣ многихъ лѣтъ детальной разработки общей еврейской исторіи по источникамъ, когда мнѣ самому приходилось писать ее, какъ исторію народа, а не литературы, недостатки старыхъ методовъ все болѣе выяснялись мнѣ; рамки изслѣдованія и обобщенія сами собою раздвигались, историческій кругозоръ расширялся, и становилось понятнымъ, закономѣрнымъ многое, что раньше плавало въ мистическомъ туманѣ. Я убѣдился, что общій процессъ исторіи не поддается априорному усвоенію, что его можно постигнуть только въ концѣ длиннаго пути исторіографической работы, требующей сцѣпленія и обобщенія огромной массы фактовъ ***).

Тутъ я подхожу къ генезису настоящаго моего сочиненія. Въ началѣ 1890-хъ годовъ, въ разгаръ моихъ подготовительныхъ работъ по исторіи польско-россійскихъ евреевъ, я рѣшилъ предварительно издать небольшой курсъ всеобщей еврейской исторіи, который могъ бы служить и введеніемъ къ моему большому спеціальному труду, и источникомъ знанія для большой публики. Не желая надолго отвлекъся отъ упомянутыхъ подготовительныхъ работъ, я

*) „Нѣсколько моментовъ въ исторіи развитія еврейской мысли“. Рус. Еврей, 1881 г., №№ 16—36.

***) „Объ изученіи исторіи русскихъ евреевъ“ (первыя главы), Спб., 1891; „Исторіографъ еврейства: Грець, его жизнь и труды“ (Восходъ, 1892 г., кн. 2—9); „Что такое еврейская исторія“? (Восх. 1893 г., кн. 10—12; издано отдѣльными книжками въ нѣмецкомъ и англійскомъ переводахъ).

****) См. „Письма о старомъ и новомъ еврействѣ“ (Спб., 1907), письма I, II, IV; „Процессы гуманизации и націонализации въ новѣйшей исторіи евреевъ“ (Евр. Міръ, 1909, кн. I); Рѣчь въ общемъ собраніи Еврейскаго Историко-Этногр. Общества, 21 февр. 1910 г. (Евр. Старица, 1910, кн. I, стр. 149 сл.), гдѣ отчасти затронуты вопросы нашей исторіографіи.